

Линь Цинюй подошел к двери спальни, ее оставили открытой.

Вернувшись сегодня в резиденцию Линь, он не брал с собой Хуань Туна. Сейчас он сидел на корточках рядом с инвалидным креслом Лу Ваньчэна, укрывая ноги молодого господина одеялом. Хуань Тун много лет следовал за Линь Цинюем и хорошо понимал ситуацию. Он увидел, что Лу Ваньчэн был в удивительно хорошем настроении, и не был так счастлив, как Хуа Лу. Он просто заставил себя улыбаться и говорил с Лу Ваньчэном: «Что вы хотите поесть на ночь, я скажу маленькой кухне заранее начать готовить».

Лу Ваньчэн подумал и сказал: «Я хочу съесть пирожное „цветущая слива“».

Низким и хриплым голосом Хуань Тун сказал: «Хорошо».

«Который час?» — спросил Лу Ваньчэн, поворачивая лицо в сторону шкафа.

Линь Цинюй последовал за ним и посмотрел на шкаф, но ничего особенного не увидел.

Хуань Тун сказал: «Конец шэнь-ши*».

[Примечание: 申时 / shēnshí. Час шэнь, время с 3 до 5 часов дня.]

«Почему твой молодой господин еще не вернулся?»

«Он скоро придет, молодой господин сказал, что вернется к ужину».

Лу Ваньчэн продолжал смотреть в том же направлении, немного волнуясь.

«Быстрее бы он пришел».

Линь Цинюй отступил от двери.

Во дворе Хуа Лу все еще напевала мелодию, мотив песни был веселым, и ее было приятно слушать. Она обернулась, увидела стоящего у двери Линь Цинюя и с любопытством спросила: «Шаоцзюнь, почему вы не заходите?»

Линь Цинюй пришел в себя и сказал: «Хуа Лу, позволь мне использовать твою шкатулку с косметикой».

Линь Цинюй наносил макияж только один раз в своей жизни – в тот день, когда выходил замуж за Лу Ваньчэна. Он испытывал отвращение к тяжелому макияжу на мужчинах. В день свадьбы служанка невесты накрасила ему только брови и губы, а в центре бровей нарисовала хуадянь.

Лу Ваньчэну было все равно, покрасит ли он брови или губы, кажется, тот просто хотел увидеть его в свадебном наряде с хуадянь.

Линь Цинью посмотрел на себя в бронзовое зеркало и вдруг обнаружил, что за эти дни сильно похудел. Он взял кисть и посмотрел в зеркало, штрих за штрихом восстанавливая рисунок цветка между его бровями, как в день свадьбы. Это был простой симметричный цветочный узор всего с тремя штрихами, которого было достаточно для изменения темперамента человека. Кажется, он больше не похож на себя, а выглядит как жена, которая радуется своей внешностью мужа.

Оказывается, и ученый человек может сделать себя красивым для друга, который его понимает.

[Примечание: Игра слов на этой поговорке: 一為知己死 - истинный джентльмен пожертвует своей жизнью ради друга, который его понимает, как женщина делает себя красивой для своего возлюбленного.]

Затем юноша снял с себя простую одежду и один за другим надел предметы сложного свадебного наряда, завязал нефритовый пояс вокруг талии и, наконец, накинул на плечи сяпэй*. Нефритовая корона, связывавшая волосы, была снята, и черные шелковистые волосы упали водопадом. Он взял свадебный головной убор, подумал и положил тот обратно.

[Примечание: 披 / хіárèi. Накидка на плечи без рукавов, часть женской парадной одежды в старом Китае.]

Этого достаточно. В конце концов, это подарок, а не свадьба.

«Мастер? — снаружи раздался голос Хуань Туна. — Мастер, вы вернулись?»

Прежде чем Линь Цинью успел ответить, внутрь ворвался Хуань Тун и был ошеломлен его видом.

Линь Цинью встал, подол его свадебного наряда тянулся по полу сзади; он не надел короны, просто позволил своим длинным волосам естественно ниспадать. Как только он опустил голову, его волосы закрыли половину лица.

Хуань Тун никогда раньше не видел молодого мастера таким – тот яркий и великолепный, все его жесты полны чарующей грации. Он надолго застыл глупой статуей самому себе и пришел в себя только, когда к нему подошел Линь Цинью.

«Молодой господин, почему вы..?»

Линь Цинью спросил: «Где молодой мастер Хоу?»

«Молодой мастер Хоу подумал, что мастер еще не вернулся, поэтому сказал, что будет ждать во дворе. — Хуань Тун вспомнил, зачем он здесь, и его голос звучал гнусаво: — Мастер, молодой мастер Хоу, он, он...»

«Я знаю, — Линь Цинюй был необычайно спокоен, — пусть кто-нибудь приготовит ужин. Сегодня тебе не нужно служить нам».

Счастливая одежда, также известная как свадебный наряд, тяжелая и неудобная для ношения, и вы можете наступить на подол одежды, если не будете осторожны. Чтобы быстро добраться до Лу Ваньчэна, ему пришлось нести свою одежду, как женщине. Пройдя по тихому коридору, он быстро дошел до внутреннего двора...

Одетый в ярко-красную одежду и белоснежный лисий мех Лу Ваньчэн сидел в давно пустовавшем инвалидном кресле - словно красная слива на снегу, он мгновенно привлекал все внимание.

Сегодня Лу Ваньчэн бодр и очень энергичен, его щеки и губы сияют здоровым розовым цветом, а глаза блестят. Весь он был окутан слабым духом юности, как будто вернулся к теплой весне этого года. В то время Лу Ваньчэну не нужно было пользоваться инвалидным креслом, и он даже пытался поднять Линь Цинюя на руки, глупо переоценив свои силы.

Если бы... Если бы одежда на теле Лу Ваньчэна не была такой большой, и, если бы его ноги все еще могли ходить, он мог бы также почувствовать, что Лу Ваньчэн действительно поправляется.

Лу Ваньчэн просто сидел и ждал, когда он вернется.

Линь Цинюй открыл рот и позвал: «Ваньчэн».

Реакция Лу Ваньчэна была немного замедленной: сначала он вздрогнул, затем медленно повернул голову, посмотрел на него и улыбнулся.

«Ты вернулся».

Мужчина встретил его, как обычно, но что-то было не так.

Сердце в груди Линь Цинюя сильно сдавило.

Лу Ваньчэн столько раз говорил, что хочет увидеть его в свадебном наряде и с нарисованным хуадянь. Почему совсем нет особой реакции, когда он на самом деле переоделся и нарисовал?

Он поднял руку и попытался дотронуться до глаз Лу Ваньчэна. Его кончики пальцев почти

касались ресниц Лу Ваньчэна, но тот все еще держал глаза открытыми, глядя на него и не моргая. Уголки его рта изогнулись, и он очень красиво улыбался.

«Ты ходил сегодня домой и ел „цветущую сливу“, приготовленную руками моей тещи? Кстати, у Цинхэ снова выросли передние зубы?»

Рука Линь Цинюя замерла в воздухе и медленно опустилась.

«Я ел, зубы снова отросли».

Как он мог забыть? Тело Лу Ваньчэна было пропитано ядом, могли произойти любые изменения, все это нормально. Как он мог забыть.

«Я попросил Хуань Туна приготовить „цветущую сливу“, — сказал Лу Ваньчэн, — составишь мне компанию за едой?»

Линь Цинюй кивнул, а когда услышал, как Лу Ваньчэн снова позвал его по имени, вслух сказал: «Хорошо. На улице холодно, я отвезу тебя».

Линь Цинюй вытолкнул кресло Лу Ваньчэна в коридор. По правилам высокопоставленных семей все приемы пищи должны проходить в зале. В прошлом Лу Ваньчэн был ленив и хотел, чтобы кто-нибудь доставлял ему еду. Позже болезнь постепенно становилась все серьезнее, и даже если еду приносили в постель, у Лу Ваньчэна уже не было аппетита.

Хуань Тун попросил кухню приготовить стол с блюдами, скрывая красные глаза, он собирался уйти после подачи блюд, но Лу Ваньчэн остановил его.

«Есть ли вино?»

Линь Цинюй не разрешал своим пациентам пить алкоголь. Они двое так долго были женаты, но они ни разу не пили вместе. Линь Цинюй сказал: «С твоим здоровьем тебе не стоит пить алкоголь».

Лу Ваньчэн сказал: «Но мне уже восемнадцать лет».

«Это не имеет ничего общего с... — Линь Цинюй глубоко вздохнул и заговорил своим обычным тоном: — Это не имеет никакого отношения к твоему возрасту».

«Почему это не имеет значения? Восемнадцать лет означают, что ты можешь делать все, что захочешь. Трудно дожить до восемнадцати, как можно просто ничего не сделать... — Лу Ваньчэн сделал паузу и улыбнулся. — Лекарь Линь, позвольте мне выпить».

...Линь Цинюй выровнял дыхание и сказал Хуань Туну: «Иди, принеси вина».

Хуань Тун налил вина двоим хозяевам и прошептал: «Двум молодым мастерам больше ничего не нужно, поэтому я уйду». – Он боялся, что, если останется, то не сдержит слез и заплачет.

Лу Ваньчэн сказал: «Раз ты уходишь, кто будет прислуживать мне за ужином?»

Хуань Тун растерянно посмотрел на Линь Цинюя, и тот сказал: «Я буду служить тебе».

Лу Ваньчэн пораженно вздрогнул, а затем притворно удивленным голосом спросил: «Почему ты такой милый сегодня?»

Линь Цинюй подал Лу Ваньчэну чашу супа и поднес ту к его рту.

«Открой рот».

Лу Ваньчэн послушно открыл рот и осторожно отпил глоток супа, показывая удовлетворенное выражение.

«Еще глоток».

Съев несколько кусочков еды, Лу Ваньчэн сказал, что ему захотелось пить. Вино было заранее подогрето, и Хуань Тун специально подобрал мягкое грушевое вино. Оно не раздражает своей крепостью, а аромат вина долгое время не рассеивается.

Лу Ваньчэн сделал глоток и сказал: «Хорошее вино».

Очевидно, что сейчас, когда он пьет лекарство, то уже не чувствует его горечи.

Линь Цинюй наклонил голову, не в силах смотреть на него. Он слышал, как Лу Ваньчэн спросил его: «Цинюй, это то вино, которое мы пили, когда поженились?»

Прежде чем Линь Цинюй успел ответить, тот сказал себе: «Эй, нет, ты не мог пить с петухом, верно?»

Линь Цинюй закрыл глаза.

«Я... не помню».

Лу Ваньчэн сказал: «Тогда относись к этому так, как если бы ты пил со мной».

Линь Цинюй успокоил свои чувства и снова открыл глаза. За окном ночь становится все темнее, в какой-то момент пошел снег, он падал и ложился густым покровом. Чистый снег был ярким как луна.

Это первый снег этой зимы.

В сердце Линь Цинюя зародилась радость, он вспомнил, как Лу Ваньчэн сказал, что хочет увидеть его стоящим под снегом с зонтиком, когда красный плащ окрасит румянцем его щеки.

«Ваньчэн, на улице идет снег, ты хочешь пойти...» — Слово «посмотреть» застряло у него в горле, и он не смог его произнести.

«Идет снег? — Лу Ваньчэн, казалось, не почувствовал странности Линь Цинюя, и его тон был легким: — Тогда мне очень повезло. Пойдем и насладимся снегом».

Линь Цинюй предупредил, и все слуги остались в своих комнатах. Никто не видел, как он стоял на снегу в свадебном наряде, с зонтиком в руках и с распущенными длинными волосами.

Никто... этого не видел.

Лу Ваньчэн протянул руку и позволил мягким белым снежинкам упасть ему на ладонь. Вдали от света в комнате его лицо быстро потускнело, губы побледнели, и только пара глаз все еще светилась. Как будто появившиеся на мгновение цветы канны*, которые быстро увяли вскоре после того, как раскрылись.

[Примечание: 昙花一现 / tán huā yī xiàn. Цветы канны появляются на мгновение. В образном значении: появиться на мгновение и исчезнуть; кратковременный, преходящий, мимолетный. Мелькнуть, чтобы сразу исчезнуть; быстро расцвести и увянуть; появившийся на мгновение.]

...Это слишком скоротечно, от этого так страшно болит сердце.

Линь Цинюй не знал, как продлить его цветение, поэтому мог только напрасно держать его холодную руку.

«Холодно?»

Лу Ваньчэн покачал головой и неожиданно спросил его: «Цинюй, тебе все еще нравятся девушки?»

Линь Цинюй сглотнул и сказал: «Естественно».

Лу Ваньчэн кивнул и улыбнулся.

«Это хорошо».

Лу Ваньчэн некоторое время смотрел на снег, полузакрыв глаза, он сказал: «Цинюй, я немного устал».

Сердце Линь Цинюя было пусто, и он тихо сказал: «Если ты устал, просто поспи».

Заснув, ты станешь свободным, и тебе больше не нужно страдать из-за болезни и отравления.

Но Лу Ваньчэн не слушал его, все еще упрямо широко раскрыв глаза и смущенно улыбаясь.

«Прости, Цинюй, кажется, я больше не в силах держаться. Но я очень старался, не надо сердиться».

«Нет, — Линь Цинюй опустился на колени в снег, держа в одной руке зонт, а другой обхватив щеку Лу Ваньчэна, его голос был нежным как вода, — я не буду сердиться».

Лу Ваньчэн, вероятно, уже заметил, что дело в Восточном дворце пошло не так, как им хотелось. Да, Лу Ваньчэн такой умный, он все знает, как же он мог этого не видеть.

Лу Ваньчэн улыбнулся под зонтиком и пошутил в последний раз: «Не забудь рассказать своему мужу через семейное жертвоприношение о жестокой смерти Сяо Чэна».

Когда Линь Цинюй услышал эти слова, то не мог не улыбнуться.

Лу Ваньчэн, казалось, почувствовал, что юноша улыбается. Он продолжал смотреть на Линь Цинюй и смотрел, пока хватало сил. Наконец, он закрыл глаза.

«Тогда я немного посплю. Не забудь разбудить меня».

Линь Цинюй пообещал ему: «Хорошо».

Снег валил все сильнее и сильнее.

Какой бы горячей ни была рука Линь Цинюя, щека человека в его ладони постепенно остывала, его тело коченело, и холод постепенно пробирал до костей.

Ночь. Северный ветер гнал снег, зимний пейзаж освещал лишь двух людей, все звуки смолкли.

Он был одет в свадебный наряд и нарисовал хуадянь, выглядя так же как в день первой встречи с Лу Ваньчэном.

Переводчику есть что сказать:

ессо: Каждый раз, читая этот отрывок, я не могу сдержать слез... Было так неловко плакать, переводя □□□□*(>д<)*□□□□ Все эти детали, снег и смерть - душераздирающе!

Рохана: Я тоже...

<http://bllate.org/book/15122/1336657>